
Мин Шунья
夢の響き
18+
ВО СНЕ ВСТРЕЧАЕШЬ ТО, ЧЕГО БОИШЬСЯ НАЯВУ
РЕЗОНАНС СНОВИДЕНИЙ
ТОМ 1

Темный путь. Русское азиатское фэнтези

Мин Шунья

Резонанс сновидений. Том 1

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шунья М.

Резонанс сновидений. Том 1 / М. Шунья — «Эксмо», 2026 — (Темный путь. Русское азиатское фэнтези)

ISBN 978-5-04-258380-3

Вольный город Ангест потрясло кошмарное убийство: в доме Приёмов найдено тринадцать изувеченных тел! Леви Мёбиус, сын легендарного чародея, берётся за расследование. Но чем дальше он копает, тем больше возникает вопросов: откуда взялись на месте преступления белые бабочки? Связано ли это всё с убийством его отца? И кто теперь преследует его самого? Вместе с друзьями – сновидицей Алис и ворчуном Хэвардом – Леви отправляется в опасное путешествие, где ему предстоит столкнуться с загадками восточного квартала, жуткими культами и тёмной магией. Однако главная тайна кроется в его друге, которого Леви встречает спустя долгих 10 лет…

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-258380-3

© Шунья М., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог 9
Глава 1 11
Глава 2 18
Глава 3 25
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Мин Шунья
Резонанс сновидений
Том 1

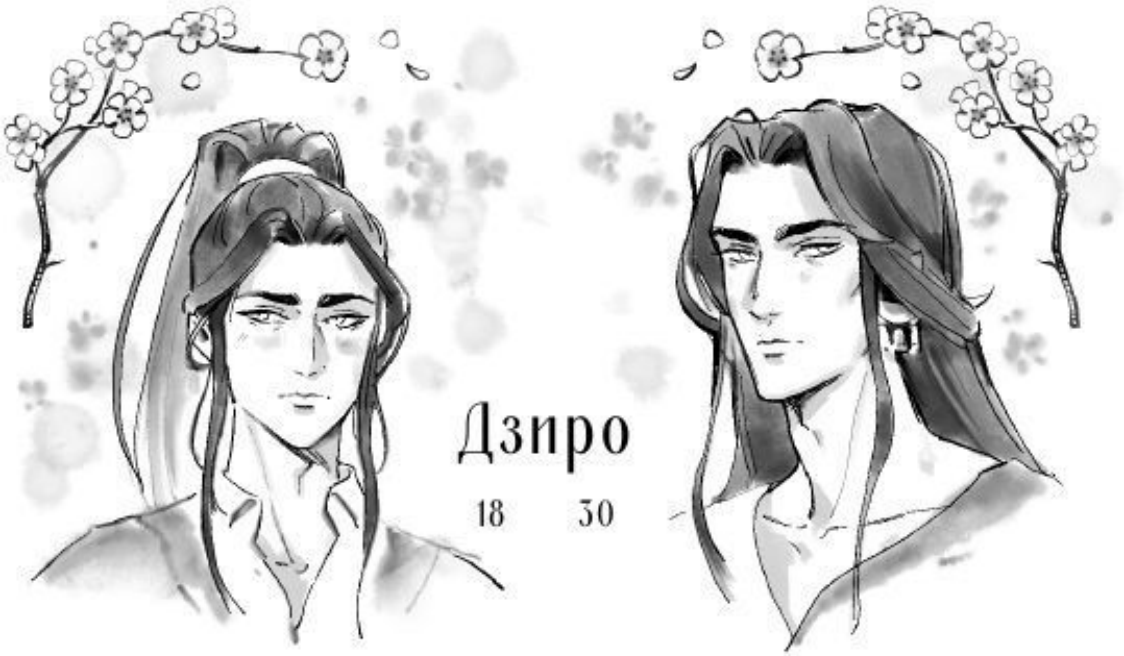
Посвящается всем, кто несёт свет даже в самый тёмный час.
Всем, кто живёт историями.
Всем, кто верит, что любовь побеждает смерть

© М. Шунья, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Талантливая чародейка-сновидица, умеющая читать воспоминания мертвецов Очень любит поесть! Тоже служит Великой чародейке Кибеле

Дзиро

18 30

Загадочный шунниец, обладающий удивительной красотой и силой. Вся его жизнь – загадка, он хранит много тайн. В прошлом он был членом ордена Азуриэль

Хэвард

Адлер

18 30

Сильный тародей-воин, в прошлом – член ордена Цитрио Либо и лучший друг Леви. После падения ордена тоже присоединился к тародейке Кибеле

Пролог

– Леви был безумцем, ублюдком и единственным позорным пятном на безупречной репутации своего гениального родителя. Для многих его отец, Невероятный Мёбиус, воплощал собой новый мир, где простые смертные стали жить как настоящие чародеи. Созданные им магические технологии уже давно сделались частью повседневности: теперь любой мог с помощью общего портала попасть и на другой конец города, и даже в далёкую страну! У каждого на поясе висела бесконечная сумка, а кофе дома варился сам собой. Но величайшего чародея в истории убили, причём при весьма странных обстоятельствах…

Рассказчик прервался, чтобы перелистнуть страницу рукописи – заляпанной кофе книжицы, исписанной скачущим почерком.

– В тот день слуги пришли утром и столкнулись с самым настоящим кошмаром наяву: полы и лестницы старого особняка – всё в кровавых разводах, мебель перевёрнута. Самого Эбера Мёбиуса нашли в собственном кабинете, и тело его было так изувечено, словно постарался зверь невиданной силы и ярости! Конечно, Совет бросился искать виновного, да только безрезультатно. Ко всему прочему, сын умершего без вести пропал. Через пару недель нашёлся – и лучше бы не находился: со смертью отца он совершенно обезумел. Не то чтобы у Леви Мёбиуса раньше был лёгкий характер – как-никак избалованное дитя гения эпохи, – но с тех пор с ним действительно стало что-то не так.

За спиной послышалось недовольное сопение, и рассказчик запнулся.

– Эй! Ты сперва дослушай, не вредничай. Так вот… Стоит начать с того, что сыночек не просто нашёлся, а объявился сам, прямо в Лазурном дворце – главной резиденции ордена Азуриэль. И кинулся убивать всех, кто попадётся под руку: одержимый местью, он прирезал минимум полсотни несчастных рядовых служащих. Дальше история становится подозрительно мутной. Кто-то говорит, что его взяли в плен, а кто-то утверждает, что, осознав дисбаланс сил, Леви Мёбиус снова сбежал. В любом случае почти год от него не было ни слуху ни духу.

Как он появился снова? Да точно так же: опять заявился на порог Лазурного дворца в полном одиночестве. Безумец – он и есть безумец. Второй такой глупости никто не ожидал, и, возможно, именно поэтому на этот раз Леви удалось свершить свою месть. Он убил Фауста Акрополита, магистра ордена Азуриэль, и всех его приближённых. Да ещё и с помощью запретных чар! Только вот какая ирония: впоследствии Совет доказал, что вины ордена в смерти Эбера Мёбиуса не было. Неудачливого мстителя поймали и наказали, даже хотели казнить, но по каким-то таинственным причинам орден в один день отказался ото всех к нему претензий. Никто не понимал такого странного решения. Более того, Великая чародейка Кибела взяла его к себе на службу. Уму непостижимо!

Но человеческая память коротка. Годы шли, и все стали как-то привыкать, а подробности произошедшего – забываться. Если вы спросите случайного прохожего про историю Мёбиусов, то он вам скажет что-то вроде: «Жил-был гений, а сыночек у него, ну… свихнулся». Такова уж наша природа: люди быстро обо всём забывают. Пройдёт сотня лет, и имя отца обрастёт мифами, а сына – канет в Лету. На детях гениев природа отдыхает.

Необычайно довольный собой рассказчик захлопнул книжицу и задвинул её вперёд, к груде из перьев и бумаг.

– Ну и как тебе? – обернулся он через плечо. – Писать про себя самого так весело. Ужасный Мёбиус-младший – ну прелесть же!

– Не нравится, – ответил глубокий голос за его спиной.

Такая честность показалась Леви совершенно возмутительной.

– Эй! Это мой первый писательский опыт, мог бы и похвалить.

Послышался шорох длинных одежд. На стол опустилась большая ладонь – человек за спиной опёрся, чтобы перечитать строки самому. Волосы его были длинны, как у восточного духа, и случайно закрыли Леви весь обзор. Тому пришлось отодвинуть их в сторону.

– Хвалю: красиво. Не нравится ругань и конец.

– А-а, ясно всё с тобой! – рассмеялся Леви. – Но читатели любят острые фразочки, им нужна книжка повеселее. И чего тебе не так? Ой, ладно, перепишу я, перепишу, только не молчи так серьёзно!

Сняв очки, он откинулся на спинку стула с резными драконами и поднял глаза, почти неприлично сияющие счастьем.

– А наша история только начинается…

Глава 1
Инцидент

Леви проснулся, тяжело дыша. По спине стекал пот, и во рту так пересохло, что воздух раздражал горло. А ещё ужасно болела левая рука чуть выше локтя: её словно чем-то обожгло.

Но лучше уж это, чем сон про запутанные кровавые коридоры. Темнота, холод и звенящая тишина…

С трудом заставив себя разлепить глаза, Леви тут же прикрыл их ладонью – слишком ярко. Привыкнув к свету, он понял, что не один: над ним возвышалась женская фигура. То была Алис Мур – его подруга, коллега и по совместительству человек, который нёс ответственность за его сон. Так уж вышло, что Леви мучился невыносимыми кошмарами, и помочь с этим мог только тот, кто обладает даром сновидца. У Алис как раз такой имелся. На взгляд Леви, самым ярким проявлением этой способности было то, что подруга вставала по утрам такой свежей и бодрой. Абсолютная магия!

В отличие от него, Алис уже успела привести себя в порядок – выгладила мантию и уложила стрижку. Только вот лицо её было столь кислым, что краше она от того не стала.

– Прости, мне пришлось разбудить тебя силой.

Вроде бы извинилась, но в голосе её не слышалось и капли сочувствия.

Леви тяжело сел и взглянул на пострадавшую руку, – на ней уже наливался синяк, – и вздохнул.

– Но щипать-то зачем?

Алис не смутилась.

– Чтобы наверняка.

И не поспоришь ведь.

– На. – Она протянула ему стакан с водой. Видимо, догадалась принести заранее.

От жажды в горле першило, так что Леви принялся пить торопливо и жадно. Алис же встала с матраса, лежащего прямо на полу, – с любых кроватей Леви во сне падал, и потому последние десять лет жил без лишних удобств в постели. Не слишком эстетично, но практично.

Алис вышла за дверь, но уже через полминуты вернулась с блюдцем и чашечкой. Комнату наполнил аромат свежесваренного кофе.

Леви прекрасно понимал, что такая доброта неспроста, но пока с него ничего не требовали, он благоразумно молчал. А ещё Леви считал, что кофе – напиток для тех, кто хочет оставаться в реальности. За реальность Леви цеплялся руками и ногами, а потому кофе любил – больше всего чёрный, по-настоящему крепкий. Кофе он всегда принимал с благодарностью. Принял и сейчас, с наслаждением грея пальцы о горячий фарфор.

Но полноценно прийти в себя ему не дали. Только Леви пару раз отхлебнул, как Алис сообщила:

– Наша Великая начальница прислала вестника.

– А? Что случилось? – Леви удивлённо вздёрнул брови.

Чародейка Кибела редко поручала что-то вот так резко и срочно. А ещё реже она пользовалась заклинанием-вестником – предпочитала заявляться лично.

– Какое-то происшествие на улице Бахуса, деталей не знаю. На месте расскажут.

От такого Леви напрягся ещё больше: если Кибела не сообщила подробности сразу, то она либо торопилась, либо боялась, что вестника прослушают лишние люди. Непохоже это на неё.

– Вот совсем ничего не передала? Даже в общих чертах?

– Совсем ничего. Давай приводи себя в порядок, и выдвигаемся, – поторопила его Алис.

Влив в себя остатки кофе, Леви уставился на показавшееся фарфоровое дно: гуща сложилась во что-то очень абстрактное, но определённо дурное. Он повертел чашку так и эдак – то ли зубастая пасть, то ли сколопендра. В любом случае жуть.

Но чашку у него забрали, а потом настойчиво послали в ванную. Вариантов не было, так что Леви поплёлся умыться и хоть немного причесать спутавшиеся за ночь волосы. Отстричь бы их, да почему-то жалко…

Уже через полчаса чародеи очутились на месте. Под сапогами хлюпали лужи: осень в Ангесте всегда наступала слишком рано. Час тоже был ранний, улицы пустовали, только редкие служащие спешили к порталам. От прошедших дождей и без того тёмный город почернел, создавая настроение совершенно унылое. Но выше по мостовой творилось что-то странное и шумное – гомон стоял такой, что голова Леви заныла сильнее.

Народ собрался у дореформационного здания с высоким входом, украшенным лепниной и пилястрами; в глубоких нишах застыло молчаливое собрание древних чародеев – суровых изваяний в полный рост. Толпа ломилась внутрь, но забор вокруг оцепили стражники – не пройдёшь. Особо крупный мужик в промокшей стёганой мантии орал:

– А ну, расходитесь! Как зверьё, чесслово! Совет разберётся, – пока чтоб никого тут!

Леви огляделся. Здесь собрались все подряд: чародеи, городские сумасшедшие и сплетники. Слух невольно выхватывал голоса:

– Говорят, от них ничего не осталось – просто озеро крови…

– Это всё Император Снов, точно вам говорю…

– Тц! Ещё накаркаешь, не говори глупостей!

– Вот точно, Мёбиусы – проклятое семейство! Что ни случится, всё с их наследием…

Когда эти слова донеслись до его ушей, Леви вспомнил, что ведь самым известным и масштабным зданием на улице Бахуса был Дом приёмов коллегии Мёбиуса.

То ли дурная ночь, то ли дурное утро, – сразу он об этом почему-то не подумал. Леви растерялся и застыл: не ожидал, что так внезапно встретится с прошлым. Алис его состояние заметила.

– Я не знала, что именно находится по этому адресу. Прости.

– Ничего, – поспешно ответил он. И подумал, что Кибела как раз прекрасно обо всём знала, и выходит, что там произошло нечто такое, что ему действительно нужно увидеть.

Вновь начал накрапывать дождь. Очки намокли, и всё скрылось под размытой пеленой из капель; пришлось вытереть стёкла о ворот мантии. Наблюдающая за манипуляциями Леви Алис осторожно предложила:

– Ты можешь зайти позже или вообще пока уйти. Я и сама справлюсь.

Леви покачал головой и слегка улыбнулся.

– Нет, конечно. – Немного подумав, он добавил: – Не считай меня неженкой.

Из-за того, что Алис сталкивалась с его кошмарами, она порой была излишне по отношению к нему бережна, пусть и скорее от нежелания возиться с ним лишний раз, чем от больших чувств. Глядела она недоверчиво, но всё-таки пошла вперёд.

Толпа не спешила их пропускать. Без лишних церемоний Алис пнула первого попавшегося зеваку. Тот приготовился было скандалить, но через миг всё понял – в глазах мелькнул страх. Мужчина попятился куда-то вбок, утянув за собой товарища.

Служащие Великой чародейки не носили опознавательных знаков – только документ в бесконечной сумке, который почти никогда не требовали. Приятный юноша в очках и его серьёзная подруга, оба в тех самых чёрных мантиях – среди стражей часто о них поговаривали. А сегодня ещё и ждали.

– Простите, уважаемая чародейка… мы не поняли сразу.

Потом их взгляды упали на Леви, а лица приняли очень сложные выражения. Не узнали, – простой народ его в лицо не видел – догадались.

– Спасибо, – ответил Леви, чуть улыбнувшись.

К косым взглядам в свою сторону он давно привык.

Не тратя время, они с Алис прошли за ворота и оказались в маленьком саду. Прежде явно ухоженный, сейчас он казался даже жалким: сгнившие цветники да лысые яблони. Впереди чернел приоткрытый вход. Почему-то Леви подумалось, что усеянная рыжими листьями дорожка ведёт их к настоящему кошмару. Он прошёл по ней медленно, нехотя, пока не остановился у высоких дубовых дверей. Над ними висела золотая табличка с гравировкой «Дом приёмов коллегии Мёбиуса». Леви опустил взгляд ниже – к табличке добавили продолжение, знаменитую фразу «Сам себе Господь».

Когда-то эти слова сказал его отец.

На Леви нахлынуло чувство, будто он всё ещё спит, и оно придало ему немного смелости. Холод металлической дверной ручки обжёг пальцы – по коже пробежали мурашки. Леви открыл двери чуть шире, и тишину прорезал отвратительный скрип.

Чародеи прошли в огромный вестибюль. Интерьер соответствовал экстерьеру – тоскливый и величественный: колонны под старину, высоченные своды и золотая люстра, поблёкшая и никем не зажжённая. Откуда-то из глубины слышались тихие голоса. Здесь пахло кровью и старым камнем, а ещё целительской магией. Её озоново-горький аромат Леви знал лучше, чем хотелось бы.

Он действительно глядел на всё это в первый раз: с делом отца его соединяла лишь фамилия. Леви уже очень, очень давно не имел никакого отношения к коллегии. Но от воспоминаний не избавишься, и они роились у края сознания, готовясь заполнить разум при первой возможности.

Шаги отдавались эхом. Леви с Алис направились вперёд, туда, откуда лился голубоватый свет. Слышались тихие голоса и печальные вздохи.

У входа в зал их встретил кивком очередной страж, серьёзный и усатый. А сам зал впечатлял не меньше, чем всё остальное: золото, декоративные деревья и огромные окна, переходящие в стеклянный купол.

Только вот среди этой красоты творился настоящий кошмар.

Это всё действительно выглядело как дурной сон: плитку на полу покрывали кровавые разводы, они же «украшали» столы, диваны и кушетки. В этом хаосе лежали в неестественных позах многочисленные тела. Когда-то серые мантии мертвецов почернели от запёкшейся крови. Алые брызги виднелись на мутном стекле и даже на деревце в горшке.

Среди мертвецов сновали чародеи в белом – целители. Большинство работало со стоическим видом, но у молодых на лице был написан откровенный ужас. Один из юношей в конце концов не выдержал и поднёс руку ко рту, пытаясь сдержать приступ тошноты, – и целитель постарше, наверняка его наставник, поторопился вывести беднягу на свежий воздух. Когда они прошли мимо, Леви проводил их сочувствующим взглядом. Сам он к крови слишком привык, хоть и терпеть не мог её вонь. Алис же не выглядела хоть сколько-нибудь впечатлённой и без особого интереса озиралась по сторонам.

Так легко столько чародеев, да ещё и из коллегии, не перебьёшь – должно остаться полно следов магии. Поиск и определение остатков заклинаний в последние годы были основной работой Леви, и он это делать наловчился. А чтобы упростить себе жизнь, зачаровал собственные очки: направь в них капельку магической силы – и всё увидишь. Так он и поступил.

Для взгляда Леви всё вокруг испещрили золотистые линии. Эти линии покрыли одежду целителей, их руки, ящички с инструментами, но на телах не оказалось ни одной.

«Странно, – подумал он, – неужели это их так простым оружием? Или следы скрыли?»

Но его размышления прервали:

– Недоброе утро. Вас прислала Великая чародейка?

Это оказался усталого вида мужчина, и Леви его знал. Перед ним был Модест Цельс – один из талантливейших целителей современности. Этот человек казался излишне простым и даже неопрятным: мантия мятая, волосы грязные. Но недооценивать его не стоило: Совет Чародеев кого попало на должность «исследующего смерти» не назначает.

Модест бросил взгляд на Алис, и, не дожидаясь приветствий, сразу перешёл к делу:

– Сегодня у наших мертвецов должна была состояться встреча с какой-то шуннийской делегацией. Шуннийцев никто не встретил, и те с беспокойством обратились к стражам. Стражи зашли – и увидели это. – Он протянул руку, указывая на окровавленные тела.

Леви приблизился к одному из мертвецов. С виду – обыкновенный мужчина, одетый в форменную мантию с золотой оторочкой, подранную и пропитанную кровью насквозь. Рядом сидели целители, направляя в него потоки магии: похоже, пытались считать следы проклятия или морока.

Только вот… лицо умершего было практически невозможно различить. Оно буквально превратилось в кровавое месиво.

Его веки то ли оторвали, то ли грубо отрезали; глазные яблоки покраснели и потеряли свою форму – их тоже повредили чем-то острым. Нос покалечили, в покрытых царапинами и ссадинами ушных раковинах запеклась кровь. Лицо мертвеца от всех этих повреждений отекло и потемнело, на шее и запястьях начали проявляться трупные пятна. К левому запястью Леви прикипел взглядом: вены на нём были разрезаны грубым продольным движением, и крови вытекло так много, что она превратилась в хорошую загустевшую лужу.

Хотя Леви многое повидал, эта картина повергла его в шок. Нет, не от страха или отвращения… это было бессмысленно жестоко.

Кто и зачем мог такое сотворить? Мужчина сделал это с собой сам? Или кто-то их всех убил?..

– Что с ними? – спросил он вслух.

– Если бы мы знали, – пожал плечами Модест, – всё, что мы выяснили, и так видно невооружённым глазом. У всех мертвецов выколоты глаза, вырезан язык и покалечены нос с ушами. Ещё у кого-то порезаны вены, у кого-то – горло.

Модест указал на валяющийся неподалеку от мертвеца нож для писем с явными следами крови. И продолжил:

– Касательно магии – мы следов не заметили. Всего тел тринадцать.

То, насколько воодушевлённо Модест рассказывал обо всём этом, со стороны могло выглядеть странным. Да нет, это реально выглядело странно. Но каждый, кто общался с этим человеком дольше получаса, быстро понимал, что он просто до безумия помешан на своём деле.

– Я тоже уже проверил. – Леви подмигнул Модесту, поправляя очки на носу.

Тот, похоже, поверил на слово – пожал плечами. Алис под его негодующим взглядом пнула ногу трупа.

– На кошмары не жаловались? Или, может, ещё какие странности были?

– Да откуда я знаю? – фыркнул Модест. – Я их в первый раз вижу. Может, родственники потом чего расскажут.

Леви хмыкнул.

– Вероятно, – в его голосе слышалось явное сомнение. – Но если смерти связаны с делами коллегии, родственники, скорее всего, не знают ничего.

Модест, и без того уставший и сердитый, пришёл в состояние ещё более раздражённое.

– Не моё дело: трупы осмотрю – результаты передам. Всё. Сейчас вы тут закончите, и на носилки их всех погрузим.

– Мы постараемся вас не задерживать, – неловко улыбнулся ему Леви. Модеста улыбка не проняла.

Леви окинул взглядом ближайший письменный стол. Ничего примечательного – на нём были разбросаны заготовки договоров на зачарования и письменные принадлежности, из магии – следы заклинания для копирования бумаг. Жаль, всё это больше никому не понадобится.

Алис принялась бродить среди изувеченных мертвецов. Целители косились на неё с плохо скрываемой тревогой, и на то были причины: когда-то давно она получила прозвище «Говорящая с мёртвыми». Благодаря впечатляющему таланту к магии сновидения, Алис была способна и на такие чудеса. Правда, находились они в серой зоне и многими чародеями не одобрялись. Но ради дела прощают многое, да и формального запрета на это нет, так что Алис практиковала подобное довольно часто. Именно «поговорить с мертвецом» она и хотела.

На самом деле, конечно, ни с какими мертвецами она не говорила: это, скорее всего, невозможно. Есть у человека душа или нет – вопрос не магии, а философии, но кое-что после гибели иногда остаётся. Воспоминания. Самые важные впечатления впечатываются в плоть и некоторое время не угасают.

Вдруг Алис уставилась на одного мертвеца. Пара осматривавших его целителей её взгляд заметили и отошли сами – и упрашивать не нужно. Она молча присела у тела на корточки, а потом, совершенно не брезгуя, дотронулась до окровавленного лба мертвеца голой ладонью.

А Леви принялся наблюдать. Глаза Алис были закрыты, плотно накрашенные тушью ресницы дрожали, между бровей залегла морщинка, – она как будто видела сон, только сидя. Непонятно почему, но Леви это зрелище всегда казалось жутковатым.

Целители вокруг беспокойно шептались. Конечно, они по роду деятельности чуть более вежливы, чем чародеи других направлений, но в такой ситуации удержаться слишком сложно: «Говорящая с мёртвыми» и «Безумный колдун» – не люди, а почва для сплетен и шепотков.

Через минуту Алис вернулась в этот мир. Глаза её стали мутными, как зелёное болото, но быстро прояснились. Она скривилась:

– Ну какая же гадость! Фу! Сам смотреть будешь? Я бы на твоём месте отказалась.

Леви её грубая забота почти умиляла.

– Ты обо мне так беспокоишься?

Он прекрасно понимал, что Алис снова волнуется о его полном кошмаров разуме, и конечно же считал это излишним. Глупости.

– Как хочешь. – Той же рукой, которой она только что касалась мёртвого мужчины, Алис дотронулась до его лба.

С прикосновением черепную коробку Леви тут же пронзила резкая боль, а потом всё вокруг изменилось.

Судя по вычурному деревянному дому, перед которым Леви оказался, воспоминание его перенесло в шуннийский квартал. Уже давно наступила ночь, бумажные фонари подсвечивали крышу с фигурками пучеглазых зверей. Рука потянулась к резной створке – но рука не Леви, а того, чьё прошлое он наблюдал чужими глазами.

Внутри стояла почти такая же темнота, как и снаружи, лишь стол у окна освещала расписная лампа. Интерьер напоминал захудалый восточный храм – те же занавески и резные фигурки, но что-то здесь было не так.

За столом сидела очаровательная женщина. Леви не видел её лица – она скрыла его золотой маской, но её кучерявые волосы, аккуратные руки и тонкая талия, подчёркнутая серебряным поясом, приковывали к себе взгляд. Вошедший в комнату, а вместе с ним и Леви, остановился. Незнакомка жестом пригласила сесть напротив.

– Здравствуйте, господин… а впрочем, неважно. Проходите.

Вошедший послушно сел. Незнакомка беззаботно подперла голову рукой.

– Ну что, не боитесь? Всё ещё хотите? – её голос звучал откровенно насмешливо.

– Хочу, – без тени сомнения ответил её гость.

– Вам передали условия?

Собеседник молча кивнул.

– Ну, тогда приступим.

Из рукава красавицы вылезло насекомое. Столь большое и уродливое, что Леви испытал приступ неконтролируемого отвращения; приглядевшись, он узнал в этом создании бабочку. Только вот длинное тельце этой белёсой бабочки заканчивалось двумя отростками, и она гадко ими шевелила. Мужчина безо всякой брезгливости протянул мерзкому созданию руку, и насекомое послушно забралось на ладонь, а потом и на предплечье. Тварь ползала так, будто пристраивалась, пока вдруг не остановилась и не вонзила оба отростка в кожу.

Леви почувствовал что-то, похожее на боль, только более абстрактное: воспоминания сохраняют и отголоски ощущений в том числе, хоть и не передают чувствительность полноценно.

И тут человек, укушенный насекомым, а вместе с ним и Леви, повалился прямо на стол, за которым сидел. Женщину зрелище нисколько не впечатлило: она расслабленно постукивала длинными ногтями по столешнице.

Картина сменилась беспроглядной тьмой, а потом Леви очнулся.

Он никак не мог отдышаться, со лба на глаза стекал холодный пот. Он потрогал спину: она была мокрой, как будто он только что искупался и, не вытираясь, сразу оделся. Рубашка под мантией неприятно липла к коже.

Леви никак не мог понять, каким образом Алис так легко смотрит воспоминания мертвецов, – ему каждый раз было физически плохо. Это как будто твой разум берут, встряхивают и пихают обратно в тело – пренеприятное чувство.

– На, выпей.

Алис была рядом и держала в руке бутылёк, и Леви покорно взял его из тонких пальцев, после чего откупорил. В нос ударил горький запах трав.

– Зелье пробуждения? Ты его для меня взяла?

Она фыркнула.

– А как иначе? Вдруг ты помрёшь.

Выпив всё до дна, Леви поморщился: эта хорошо знакомая ему гадость на вкус напоминала крепкий кофе, смешанный с травяным бальзамом. Но работало мгновенно – трясти перестало, в голове прояснилось.

Алис его обнадёжила:

– Других мертвецов смотреть не будем, только у этого остались относительно целые последние остаточные воспоминания. Прочие слишком покалечены.

Тут где-то в зале послышался шорох. Все мгновенно напряглись и начали озираться: звук был тихим и напоминал шуршание сухого листа. Для этого места и этой ситуации – ужасно подозрительный и неестественный.

Леви инстинктивно направил магическую силу в кинжалы, которые прятались под его мантией.

Но тут… откуда-то из-под тела того самого бедняги, воспоминания которого они с Алис посмотрели, выпорхнула бабочка. Точнее, что-то отдалённо напоминающее бабочку – у бабочек нет сзади пары жал.

Создание вспорхнуло к окну и начало ползать по стеклу, надеясь выбраться наружу. В процессе оно мерзко дёргало отростками, будто прощупывая, где оказалось.

Леви сориентировался быстрее остальных – схватил со стола коробку для бумаг и молниеносно проскользнул к окну. Насекомое панически скользило по стеклу в поисках выхода и людей не замечало. В следующий миг его накрыла темнота, и несчастное создание начало с шумом биться о стенки, ломая хрупкие лапки и крылышки. Леви захлопнул крышку и одновременно наложил крошечное запечатывающее заклинание. Все наблюдали за этой вознёй молча

и с явным отвращением: почему-то эта «бабочка» сильнейшим образом его вызывала. Наверное, то был древний страх перед неведомыми тварями…

Леви постучал пальцами по крышке, на стёклах его очков блеснул холодный свет.

– Думаю, мы можем идти. Не будем мешать целителям работать.

Глава 2
Булочки

Неровная мостовая на площади Первого чародея Иссалева блестела в холодном солнце. Леви поёжился – зябко, а ведь это в Ангесте считалось погожими осенними деньками. Идущая рядом Алис поглядывала на вывески, налепленные на величественные здания: когда-то тут проживала чародейская элита, а теперь расположились лавки и рестораны.

Многое здесь воспевало превосходство чародеев над простыми смертными. Когда-то в прошлом вольный город Ангест, отделившись от Финстерна, стал обителью магии. Здесь возводили дворцы, творили самые искусные чары, рождались Великие… О славном прошлом напоминала огромная статуя того самого Первого чародея – грязная и почерневшая от времени, как и слава Ангеста.

Народу хватало. Обычно Леви не любил толпу, но после вчерашнего суматошного дня он отчаянно нуждался в том, чтобы видеть рядом жизнь. Было в тех смертях что-то странное, неправильное, оставляющее за собой липкое чувство, как после тяжёлого кошмара.

Неподалёку торговали уличной едой, и ветерок доносил аромат выпечки. Алис повела носом, глаза её загорелись.

– Самое время для второго завтрака. Хочу булку.

Другого и не ожидалось, поесть Алис любила. Нет, не так: она поглощала всё хоть сколько-нибудь съедобное. И как в такое хрупкое тельце влезает?

Алис повела их на край площади, где расположились торговцы. Здесь продавали уродливых деревянных кукол, цветы для забывчивых любовников и многое другое. Можно было даже выпить вина с пряностями – чашки зачаровали так, что, опустев, они возвращались к владельцу.

Но направлялись чародеи в самый конец. Нужный им павильончик был оформлен совсем невзрачно, но лежащие в корзинке булочки-кайзерки [1] привлекали внимание лучше любых вывесок. Вывеска, кстати, имелась – накарябанное на дощечке «У Бена». Полного имени этого Бена никто не помнил, но он торговал здесь булочками со всяческими начинками уже очень, очень много лет. Леви частенько тут бывал из-за Алис.

У прилавка уже стояла пара человек, а старик неторопливо возился у плиты. Помощников у него не имелось. Леви представил, сколько они здесь проторчат, и внутренне взвыл. Лицо его приняло выражение столь несчастное, что Алис это заметила.

– Нет, в другое место мы не пойдём.

– Я и не предлагал, – вздохнул Леви. Он прекрасно знал, что в вопросах булок с ней спорить без толку.

Алис с примерным послушанием заняла место в очереди, а Леви со скучающим видом прислонился к держащему изумрудный навес столбу. Две чародейки, похоже, ждали своих булочек. Леви невольно принялся их разглядывать: одна из них щеголяла в наряде по последнему писку моды – в так называемом шуннийском платье, которое больше напоминало цветастый халат. Вполне возможно, что на родине оно им и было.

Вскоре после того, как в городе распространились внутренние порталы, появились и порталы между странами – лет тридцать назад с Великой Шун были подписаны соответствующие договоры. Одним из забавных последствий стало повальное увлечение ориентальной модой в Ангесте. Проблема лишь в том, что андарцы, не чувствуя культурных нюансов, носили роскошные шуннийские наряды кто во что горазд.

---

[1] Маленькая круглая булка с пятью характерными бороздками сверху. – *Прим. ред.*

Эта самая чародейка в платье болтала так громко, что Леви принялся подслушивать, сам того не желая, а как услышал «Мёбиус» – заинтересовался. Неудивительно, что все вокруг трещали о вчерашнем: несмотря на усилия Совета, новости мигом разлетелись и обросли самыми причудливыми слухами.

– Знаешь, моя сестрёнка водит знакомство с первым стражем. – Чародейка приняла вид совершенно заговорщицкий. – И вот она сказала, что там минимум полсотни трупов нашли!

Её подруга, миловидная полненькая чародейка в светлой мантии – наверняка член какого-то мелкого ордена – глядела на неё со скепсисом.

– Полсотни?! Да там столько не работало.

Другая защебетала:

– Я слышала, что коллегия приняла много чародеев в последние годы, они же частными заказами сейчас промышляют, причём не только в Ангесте. Да и, вообще-то, Мёбиусы всегда были при деньгах.

Леви подумал, что из богатства у него остался средних размеров кошелёк. Спасибо его доброй начальнице, что в нём вообще что-то лежало.

– Да там же давно никого из Мёбиусов нет, – добавила болтливая барышня, – и во главе там теперь кто-то вообще непонятный. Юнг какой-то или Янг…

Здесь уже Леви не сдержал смешок. Стоящая у самого прилавка Алис, похоже, никого слушала: её интересовали только булки, на них она и глядела. Стоящий за плитой Бен, повар, он же и продавец, неожиданно влез в разговор:

– Вот знаете, если бы меня спросили… это всё позорит имя Эбера Мёбиуса. Просто стыд.

Шумная чародейка бросила на него удивлённый взгляд.

– Чего вы так резко-то? Вон, вашим плиты теперь зачаровывают, сковородки всякие, чего жаловаться?

Бен идеально отточенным движением снял пару колбасок лопаткой и с её же помощью уложил их в заранее надрезанные булочки.

– За какие деньги, за какие деньги! Невероятный Мёбиус как говорил – магия для человека, а не человек для магии. Вон, порталы он делал, до сих пор как новенькие! А они здесь стояли, когда я ещё совсем мелким был.

– Вы наверняка и сына его безумного видели? – спросила та же чародейка.

– Надо оно мне, – фыркнул Бен. – Если и видел, то не помню.

До того скромно молчавшая подружка мечтательно вздохнула.

– Зато я слышала, что он невероятный красавчик.

Леви, пока их слушал, изо всех сил пытался сдержать рвущийся наружу смех. Тут уже не выдержал – захохотал, и все на него уставились с удивлением. Отсмеявшись, он облокотился на прилавок с самой наглой ухмылкой.

– Прямо как я?

Девицы зарделись, а Бен бросил на него быстрый взгляд исподлобья. Старик тщательно паковал булочки в шуршащую бумагу с пятнами масла.

– Держите, – кивнул он чародейкам. Те своё забрали, но уходить не спешили, мялись, бросая смущённые взгляды из-под завитых ресниц. Шумная барышня оказалась смелее.

– Я уверена, что вы куда симпатичнее того безумного колдуна.

– О, да? – Леви вскинул брови. Он веселился всё больше.

Барышни его реакцией воодушевились, а вынужденная наблюдать за этим представлением Алис закатила глаза со страдальческим видом. Зато старик Бен наконец кивнул ей, что можно заказывать, и она взялась перечислять:

– Мне три штуки с ветчиной, три – с охотничьим соусом… а на десерт – с маслом и джемом. Двух хватит.

– Потом невкусно будет, – напрягся старик. – Мои булочки надо с пылу с жару.

Алис ничуть не смутилась.

– Да я сразу всё съем, спасибо. Можете просто в бумагу завернуть, Леви подержит.

От такого заявления глаза Бена округлились, а лоб пошёл рябью морщин. Алис здесь бывала практически еженедельно, и он всегда удивлялся её аппетиту, как в первый раз. Понять его было можно.

– Ну… тогда придётся ещё немного подождать. – Он кашлянул.

Леви вложил в дрожащую старческую руку горстку монет с щедрым запасом.

– Так и быть, подождём. Тем более собралась такая прекрасная компания.

Он подмигнул восхищённым барышням под очередной вздох Алис. Чародейки не спешили ни уходить, ни есть, – так и стояли с бумажными конвертами в ухоженных ручках. Они Леви понравились, делать было нечего, поэтому он продолжил бессмысленную болтовню:

– И что ещё вы можете про этого младшего Мёбиуса рассказать? Никогда не интересовался, сам я из Финстерна.

Чародейки просияли: на них обратил внимание такой красавчик! Леви действительно был на редкость симпатичным и прекрасно это понимал. Алис же сделала вид, что его не знает, и молча наблюдала за тем, как ловко управляются с ножами и сковородками морщинистые руки Бена.

Болтливая чародейка чуть приблизилась.

– Я вам даже вот что скажу! Здесь неподалёку резиденция Великой чародейки Кибелы, а он же её прислужник.

Леви очень понравилось, как звучит «прислужник». Гораздо лучше, чем «на службе». Он хмыкнул.

– И не боитесь его здесь встретить?

– Да как такое возможно? – Чародейка махнула рукой. – Такие люди точно не ходят по улицам при свете дня.

Её уверенность Леви позабавила. Почему-то люди нередко говорили о нём подобное, будто он был каким-нибудь вампиром – или и вовсе чудовищем похуже. Хотя, по сути, он был самым обыкновенным чародеем… и, вообще-то, нёс службу совсем неподалёку! Попадая в массы, образы превращаются в фантазии, которые никак не соотносятся с реальностью.

– Неужели он настолько страшен?

Чародейка призадумалась, поджав пухлые губки.

– Сейчас – не думаю.

– С ним же там служит эта, Говорящая с мёртвыми, – влезла её подруга. – И Хэвард Адлер.

Так уж вышло, что их команда состояла из трёх человек, и все были в Ангесте весьма знамениты. Среди них Хэвард не получил никакого прозвища или титула, потому что он и так достаточно внушителен. Стоило бы начать с того, что он пользовался зачарованной косой – оружие, мягко говоря, специфическое. Ну а ещё он был силён, гневлив и просто потрясающе владел боевой магией.

На несколько секунд воцарилось молчание. Обе барышни очень хотели как-то продолжить разговор – было слишком очевидно по бросаемым взглядам. Та, что посмелее, решилась сменить тему:

– Как думаете, Император Снов имеет отношение к произошедшему вчера?

Во всём мире последние лет семь ходят слухи о легендарном чародее, чья сила просто ужасает. Он является во сны, и, хоть обвесь всё амулетами, обставь барьерами, – если Император пожелает к тебе явиться во сне, то он явится, а если пожелает убить наяву – убьёт. Разумеется, никаким императором этот загадочный чародей не был. Прозвище он получил за невероятную силу, предполагаемое происхождение из народа шун и запрет поднимать взгляд – смотреть на императора Шун простому человеку строго воспрещалось. Из-за этого пошли

слухи, что истинный облик императора ужасен, как у демона Нгонги, или, напротив, будто он прекраснее всех смертных на этой земле.

Но самым ужасным в этой истории было то, что Император Снов не принадлежал ни к какому ордену и не служил никакому чародею. Никто не знал, что ему вообще было нужно. В общем, наихудшее сочетание из возможных.

Леви давно было любопытно, что за человек мотает нервы всем этим напыщенным советникам. Но, как обыкновенно и случается с подобными историями, всё, связанное с Императором, выглядело подозрительно мутным. Но служащих Великой чародейки в это не впрягали, так что Леви и не лез. В такие вещи лезть не надо – он давно это усвоил, а потому честно ответил:

– Не люблю строить предположения без фактов. Кто этого Императора Снов знает? Может, его и не было никогда – просто чья-то выдумка.

– Ну разве можно такое придумать? – не согласилась чародейка. – Столько церковников от него пострадало…

Леви заглянул в её глаза, прозрачные и наивные. Как он любил вот таких вот юных и несмышлёных! Наверное, потому, что когда-то давно и сам таким был.

– Придумать, госпожа чародейка, можно почти что угодно.

Та в шутку обиделась.

– Ну чего вы такой скучный? Мы же просто сплетничаем.

– Эх, госпожа чародейка, в наше время вот так болтать всякое очень опасно. – Леви покачал головой, а лицо его приняло совершенно лисье выражение. – Кто знает, может, этот безумный Мёбиус или Император Снов нас сейчас подслушивают.

Тем временем старик Бен наконец подготовил все булочки. Бумажки с ними пришлось разложить по периметру прилавка – иначе не вмещались, но Леви и Алис поочерёдно набирали их в руки и смогли забрать все.

Чародеи попрощались и направились куда-то на другой конец площади.

Когда они ушли, чародейка, что поскромнее, вдруг вспомнила:

– А как этого сына Невероятного Мёбиуса звали? То ли Пасси, то ли Авель…

Подружка её задумчиво поджала губы.

– Леви, по-моему.

Осознав, что только что произошло, они в ужасе переглянулись.

Булочки Алис жевала прямо на ходу, Леви только успевал подавать. С каждой новой её лицо становилось чуть светлее, и когда они подошли к резиденции, Алис уже всё проглотила и довольно отряхивала руки.

Резиденция Великой чародейки располагалась в дореформационном здании в самом центре Ангеста – величественном и огромном, с широкими колоннами и роскошной лепниной. Как только Кибела стала членом Совета, ей передали его целиком в личное пользование.

Чародеи поднялись на второй этаж – в сам кабинет, и Леви глубоко вздохнул.

Это место и так воплощало собой тихую роскошь, но тот зал, куда они пришли, был ещё и оформлен с модными нынче восточными мотивами: на стене висел большой веер с хризантемами, шторы из полупрозрачной газовой ткани украшал орнамент из облаков. В этом не было какого-то скрытого смысла – это всё просто нравилось хозяйке. Леви же считал подобные красоты несколько избыточными.

У подоконника, облокотившись, стоял бородатый мужчина. Он бросил на вошедших суровый взгляд из-под густых бровей.

– Привет, Хэви, – Леви заговорил очень осторожно. – Эм… что ты делаешь?

Вопрос был к месту, потому что комнату заполнили принадлежащие Хэварду чёрные соколы-вестники!

Крупные птицы с красными глазами сидели на столах, на шкафах, стульях, гардинах – в общем, везде. Невооружённым глазом было практически невозможно заметить, что соколы эти – иллюзии: они чистили пёрышки и переминались на лапах совсем как живые. Вестники поочерёдно перепархивали на подоконник, к открытому окну, где Хэвард вручал им в клювы письма с его личной магической печатью, после чего улетали прочь.

– А что мне ещё остаётся сейчас делать? – прохрипел он, не вынимая трубки изо рта. Хэвард вообще курил так много, что всё, к чему он прикасался, начинало пахнуть табаком. Нервный, весь какой-то острый, – люди часто его боялись.

Леви присмотрелся к его фигуре: похоже, Хэвард сегодня толком не спал, отчего казался ещё более худым и злобным, чем обычно.

– Ждать ответов от Модеста?

Он проследил, как Хэвард пихает очередной птице в клюв письмо, и всё-таки повторил свой вопрос:

– Так что ты делаешь?

Хэвард сложил руки на груди.

– Отправляю послания всем, кому следует. Я разыскал шуннийцев, с которыми должны были встретиться наши мертвецы, написал святошам и запросил документы о зачарованиях из коллегии. Ну и ещё пару писем отправил.

Хэвард вообще был тревожным человеком, так что случившееся утром привело его в состояние совсем уж суетливое и нервное. Тем более что оно внезапно вырвало его из короткого отпуска – он навещал в Ансене какую-то родственницу, то ли тётку, то ли двоюродную сестру, – Леви не помнил.

Была одна вещь, из-за которой немного переживал и сам Леви.

– И где, кстати, наша начальница?

Он кинул взгляд на пустующий стул у большого стола, заваленного бумагами. На нём был такой беспорядок, что казалось, будто кто-то ушёл отсюда пару минут назад и вот-вот вернётся.

Но Великую чародейку Кибелу никто не видел уже две недели.

Она могла отсутствовать месяцами, и все к этому уже давно привыкли. Но никогда не случалось вот так, чтобы в трудную минуту её не было рядом. Без её участия все в этой комнате чувствовали себя немного брошенными.

Великая чародейка полностью соответствовала своим подчинённым: она была невероятно таинственной и непредсказуемой персоной. Не будь у неё титула Великой – она не продержалась бы в Совете и дня, но сильным и умным позволяют больше, чем другим. Обычно подчинённые советников занимались тем, что заключали сделки, плели интриги и вели их личные дела. Но у Кибелы и здесь всё было не как у людей: она со своими общалась только по необходимости, которая возникала удивительно редко, а дела свои вела сама и никого в них не посвящала.

Когда она вступила в Совет, то заявила, что «будет заниматься случаями магического злоупотребления и ничем больше». И держала своё обещание! Изящные руки Леви за эти годы не тронули ни одной формальной бумажки. Главное, чем он занимался, – изучение и описание различных зачарований, связанных с чем-то незаконным.

Но подобного тому, что произошло пару дней назад, за все девять лет службы Леви не было ни разу. В основном он сталкивался с неудачливыми изобретателями проклятий или опасных зачарованных предметов, пару раз ему даже попадались попытки создания химер и применения запретной магии. Но такое, как в Доме приёмов, – ни разу.

Леви встал, подошёл к пахнущему чаем с пряностями столику в углу комнаты и принялся заваривать себе кофе. Сегодня он определённо заслуживал лишние две-три чашки. В резиденции Великой чародейки так часто пили кофе и чай, что принадлежности для заваривания хранились прямо в кабинете. И их было много. Леви не слишком аккуратно насыпал порошок в

зачарованную джезву [2], добавил туда воды из кувшина и начал помешивать смесь ложкой с длинной ручкой.

– Итак. У нас имеется тринадцать мертвецов. У них выколоты глаза, отрезаны языки и искалечены уши. Что же они так не хотели видеть, слышать и обонять?

Алис раскинулась на расшитом диванчике с видом сытого удава.

– Наверняка баловались нехорошей магией и начали видеть то, чего нет. Обыкновенные идиоты.

Хэвард поморщился и вынул трубку изо рта: похоже, табак прогорел. Он вытряхнул её в пугающе грязную пепельницу на подоконнике и принялся набивать заново. Магические птицы, наблюдая за этим, смешно вертели головами.

– Не понимаю, зачем язык-то резать. Он не глаза и не уши, не вписывается.

– Очевидно, чтобы не говорить, – фыркнула Алис. – На самом деле в этом нет ничего удивительного: в прошлом было достаточно случаев, когда чародеи от страха, что кто-то заставит их произнести слова проклятия, отрезали себе язык.

Леви медленно перелил готовый кофе в фарфоровую чашечку, стараясь оставить гущу в джезве.

– А ещё там была здоровенная белая бабочка. Никогда таких не видел.

Конечно же насекомое забрал себе Модест: несведущим в таких вещах подчинённым Кибелы оно было ни к чему. Их дело – проверить следы магии. Но их не нашлось…

С минуту все задумчиво молчали – здесь было сложно придумать хоть какую-нибудь догадку.

Леви устроился с чашкой на диванчике рядом с Алис.

– Ладно, с бабочкой разберёмся потом. Другой вопрос – кто сотворил с ними такой кошмар – или что заставило их сотворить это с собой самостоятельно. Для убийства, конечно, весьма своеобразно.

Он отхлебнул кофе и поморщился – вышел чересчур горьким.

Эти смерти были не только страшными, они были абсурдными: кому и зачем убивать разом тринадцать человек прямо в Доме приёмов? А если они каким-то чудом сделали это с собой добровольно, то что могло их заставить?

Алис уставилась на то, как Хэвард выдохнул колечко из дыма. Оно попало на одного из сидящих повсюду соколов, но тот даже не дёрнулся: иллюзии практически ничего не боятся.

– Мне рассказывали историю, где один адепт ордена Сновидения выколол себе глаза оттого, что на него наслали очень специфическое проклятие. Он постоянно видел краем глаза жуткую тварь, которая стояла и молча на него смотрела. Но этот мужчина страдал безумием чародеев, так что не знаю, насколько в этой истории вообще есть смысл: болезнь развивается не за один день. А странностей в поведении умерших пока не нашли, так что, я думаю, это убийство.

Хэвард хрипло кашлянул.

– Будет смешно, если это сотворили святоши.

Из-за тесной связи Лазурного ордена, или ордена Азуриэль, с Церковью его чародеев часто кличут церковниками. Все к этому настолько привыкли, что подобные обращения могли промелькнуть даже на формальных сборищах.

Леви отрицательно покачал головой.

– Не думаю: Флорис Лацалис крепко там всех держит – личную месть свершить таким образом не вышло бы однозначно, а орден в целом не стал бы творить таких глупостей. Тем более церковники не склонны к эпатажным жестам даже в трудные времена.

Вдруг раздалось громкое «кар!» – на подоконнике сидела серая ворона. Все обернулись.

---

[2] Турка. – *Прим. ред.*

Вестница Великой чародейки Кибелы.

– Простите, ребята, – заговорила она, – пока вам придётся справляться самим. Дела не терпят отлагательств. Не требуйте от себя слишком многого, не торопитесь! Леви, тебя касается. – Ворона выразительно на него посмотрела, повернув голову в профиль. – Дождитесь, пока Модест закончит свои исследования. И меня дождитесь – дело серьёзное.

С этими словами ворона словно сгорела в воздухе, да так, что не осталось и горсточки пепла – так уж работало заклинание-вестник.

А Леви накрыл новый виток тревоги: если уж Кибела называет это дело серьёзным, то, похоже, произошло что-то по-настоящему пугающее.

Глава 3
Божественно прекрасный

На следующий день Леви с Алис пошли по единственному однозначному следу, который у них был.

Ангест в целом делился на три части: Вельтангест, Волькангест и Зейтангест. И именно в Зейтангесте был расположен шуннийский квартал. На самом деле кварталом его уже сложно было назвать – он начинал превращаться в городок. Благодаря большой моде на Восток местные обитатели процветали, и их с каждым годом становилось всё больше.

Леви часто в мыслях сравнивал Ангест с мифическим Вавилоном: знаменитый город чародеев был огромным и настолько многонациональным, что все культуры в этом громадном котле начали переплавляться в какое-то новое и пока непонятное месиво.

А ещё шуннийский квартал был любимым местом Леви в городе.

На мокрой после дождя мощёной дороге отражались яркие огни; теснили друг друга вывески с иероглифами; кричали уличные торговцы и артисты. Вечерело, и в сине-оранжевых тонах улица стала настолько яркой, что выглядела как иллюстрация из детской книжки.

Леви засмотрелся на продавца бумажных фонарей и не заметил, как с кем-то столкнулся. Он инстинктивно схватил того, в кого врезался, за плечи и только потом рассмотрел: это была миловидная девушка в национальных одеждах. Хотя она вполне могла оказаться и женщиной: из-за накрашенного до состояния маски лица её реальный возраст в неясном свете определить было невозможно. Она залепетала:

– Простите, господин, простите…

– Ничего! Всё в порядке, и вы меня. – Леви поспешил отпустить её плечи.

От красавицы сильно пахло пудрой и благовониями, но это было даже приятно.

– Я работаю здесь рядом. – Девица указала на обвешанный огнями пайфан [3], за которым виднелось не менее сверкающее здание. – Заходите, в качестве извинений мы угостим вас вином абсолютно бесплатно.

Она покосилась на Алис, наблюдавшую за этой картиной с ухмылкой.

Леви замахал руками:

– Э-э… извините, мы с моей спутницей очень торопимся!

Он схватил Алис за рукав и быстро утянул вперёд, оставив потерянную барышню позади.

– Хе-хе, а ты ей понравился. – Алис развеселилась, но покорно последовала за ним.

Леви вздохнул: это уже был далеко не первый раз, когда в него «врезалась» какая-нибудь работница в шуннийском квартале – странный, но действенный способ привлечь в толпе клиента или свистнуть кошелёк. Опытные работницы местных увеселительных заведений наверняка понимали, что украсть что-либо у чародея очень сложно, а вот так, на улице, почти нереально. Да и шансы утянуть за собой кого-то вроде Леви невелики. Но ещё эта работница вполне могла принять Леви за молоденького юношу, которого легко вот так «бесплатно» напоить, чтобы потом с утра выставить огромный счёт. Который, конечно, уже принесёт не красавица, а пара-тройка мужчин.

Хэвард смог выяснить, с кем должны были встретиться в тот день умершие чародеи, и сейчас Леви с Алис собирались увидеться с этим человеком сами. Гости из Шун, желающие совершить в Ангесте какие-то сделки, часто обращались к посредникам, которые помогали с организацией и переводом: большинство шуннийцев на андарском не говорили.

Конкретно этой делегации помогал некий Жу Ли.

---

[3] Резные орнаментированные триумфальные ворота из камня или дерева. – *Прим. ред.*

Из имевшихся документов они сумели получить имя и адрес, куда можно отправить вестника. К их удивлению, этот Жу Ли легко пошёл на контакт и сам пригласил их на встречу, и даже отправил входной жетон – подобными вещами часто пользовались в закрытых ресторанах и курильнях.

Поэтому чародеи уже добрый час бродили туда-сюда по бесконечным улочкам и дворикам. Алис, держа в руках карту, свернула с людной улицы в переулок, где народу стало уже поменьше.

– Чисто теоретически, нам сюда. – Она указала пальцем прямо на незаметную дверь, которую стерёг здоровяк в зачарованных чёрных одеждах. Рассматривая сквозь очки золотистую вязь магии, Леви подумал, что над ней работал кто-то очень опытный. А ещё этот человек был настолько крупным, что если бы не плоское лицо с раскосыми глазами, то в нём было бы сложно узнать представителя своего народа. Когда Леви с Алис к нему подошли, страж посмотрел на них так, словно они были не потенциальными гостями, а вредителями, но ничего не сказал. Наверное, так было положено.

Алис промолчала в ответ и вынула из кармана мантии жетон. Сторож моментально подобрел, слегка поклонился и отпер скрипучую дверь.

Перед чародеями открылось большое двухъярусное помещение. За всеми столами плотно сидели люди – чародеи и простые смертные, шуннийцы и андарцы; они смеялись, курили длинные трубки и распивали вино из глиняных кувшинов. Заведение определённо было популярным! Леви закашлялся: здесь так сильно пахло незнакомыми курительными смесями, что с непривычки слезились глаза.

С одного из ближайших столиков им помахал низенький и весьма полненький мужичок с широкой улыбкой:

– Здравствуйте, здравствуйте! Мои чудесные гости, я вас уже давно жду! – он говорил с акцентом, чуть искажая согласные, но это совершенно не резало слух.

Леви помахал ему в ответ, ощущая себя здесь несколько неуместно.

Они с Алис сели за единственный свободный столик, и к ним тут же подбежала служанка в пошловатых из-за огромного выреза одеждах и, не спрашивая, разлила им из расписного кувшина в две чарки вино. Только она попыталась отойти, Алис поманила её пальчиком и заставила наклониться, чтобы можно было шепнуть что-то на ушко.

А Леви обратил всё своё внимание на мужчину напротив и наконец поздоровался:

– Здравствуйте, господин Жу Ли.

Тот вертел чарку в толстеньких пальчиках.

– Не стесняйтесь, господа чародеи, угощаю вас всем, чего пожелаете!

– Вы столь гостеприимны! Неудивительно, что заведение процветает, с таким-то хозяином. – Леви одарил Жу Ли самой вежливой из своих улыбок.

Тот рассмеялся.

– Вы так меня захвалите! Рад, очень рад. Увы, время моё ограничено, так что я перейду сразу к делу. – Он сложил пальцы в замок. – Жаль, что мы с вами познакомились при таких печальных обстоятельствах.

К Леви подошла служанка и поставила рядом с ним тарелку с виноградом, а Алис – пряно пахнущее блюдо, почти алое от специй.

Жу Ли продолжил:

– Мои друзья из Коно желают открыть в Ангесте новое заведение – мода, вы понимаете. Только сейчас уже, как раньше, не поработаешь. – Жу Ли выразительно покачал головой. – Нужны зачарованные печи, плиты и утварь. Вот я и свёл их с господами из коллегии. И потом…

– Произошло то, что произошло, – закончил за него Леви.

Жу Ли кивнул с показательно скорбным видом. Хотя у этого проходимца – Леви сразу определил его для себя именно так – любое выражение лица покажется лживым.

– В общем, я бы рад помочь, но не думаю, что могу вам быть чем-то полезен. – Жу Ли вздохнул и поспешно добавил: – Но уважаемые чародеи могут спрашивать что пожелают!

Леви немного задумался.

Честно говоря, он шуннийцев и не подозревал – слишком нелогично. Конечно же, приятели этого Жу Ли, скорее всего, открывают никакой не ресторан, и зачаровывали они отнюдь не посуду, но это уже его лично не касалось. Служащие Великой чародейки занимаются случаями сложнейшего магического злоупотребления, а не сомнительной торговлей.

Алис запихнула палочками в рот рисовый шарик так ловко, словно ела ими всю жизнь.

– Ещё мы ищем в квартале дом. Три этажа, красная черепица, у входа стоит каменная сова. Ещё на нём жёлтая вывеска, но что на ней написано, сказать не могу: иероглифы я читать не умею.

Леви уставился на неё в восхищении и подумал: «Вот что значит – Мастер сновидений!» Алис не просто добыла и прочитала воспоминания, но и запомнила все эти детали. Сам он помнил только темноту и жутких белёсых бабочек.

– Не знаю, госпожа, – ответил Жу Ли, поглаживая острую бородку, – красная черепица у половины домов здесь, а сова – популярный символ. Вон, даже у меня стоит. – Он кивнул в сторону.

Действительно, рядом с лестницей на второй этаж стояла резная деревянная сова, аляписто раскрашенная красным и синим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.